

Анастасия Верина - Миссия в Стране Восходящего Солнца

Ваня Касаткин, сын сельского дьякона, водил дружбу со Скрыдловыми, адмиральскими детьми, жившими в родовом имении по соседству с отцовским храмом. На вопрос приятелей: «Отцовскую ляжку тянуть будешь?», отвечал: «Моряком стану. Думы мои на море наострены». Однако отец отвратил мечты сына от судьбы морячком, и бойкий деревенский парнишка был отправлен учиться в Смоленскую духовную семинарию, а затем в числе лучших учеников и в Санкт-Петербургскую духовную академию за казенный счет. Здесь же в Санкт-Петербурге через несколько лет произошла встреча Вани и его друга детства – Леонта Скрыдлова, выпускника Морского кадетского корпуса: «Ты же, Иван мечтал хлебать матросский борщ? Как же так?» – «Бороздить моря и океаны можно и корабельным священником».

(по В. Гузанову, «Святитель Николай Японский»)

Начало

Святитель Николай (Касаткин)

На четвертом курсе академии Ваня увидел объявление Святейшего Синода о том, что Российскому императорскому консульству в Японии требуется священник.

Первый русский консул в Японии, Иосиф Гошкевич, известный ученый и дипломат, сын деревенского священника, выпускник минской семинарии и Петербургской духовной академии провел 10 лет в Пекине в составе Русской духовной миссии. Он, по-видимому, предполагал возможность миссионерства в Японии еще во время строжайшего запрета христианства. В письме Святейшему Синоду Гошкевич выдвинул серьезные требования к кандидатам на вакансию: «... не иначе, как окончивший курс Духовной академии, который мог бы быть полезным не только своей духовной деятельностью, но и учеными трудами, а даже своей частной жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам».

Еще во время обучения в семинарии Иван хотел в будущем отправиться в Китайскую миссию, о которой ему рассказывал учитель. Похоже, у него была мечта проповедовать язычникам. А в академии он прочел «Записки капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» и интерес его обратился от Китая к Японии.

И Ваня почувствовал свое призвание. Он вдруг решил, что должен ехать в Японию, причем, не женатым священником, а монахом. Что-нибудь одно – либо миссия, либо семья – таково было его решение. Начальство сочувственно отнеслось к намерению студента Иоанна Касаткина.

44 года спустя, в 1906-ом, 69-летний «японский» епископ пишет в Россию своему близкому другу со студенческих лет, протоиерею Н.В. Благоразумову:

«А ведь правду говоря, друг Николай Васильевич, наше время куда как лучше было. Припомните: лишь только явился лист на столе с вызовом, да еще на какой пост – настоятеля Консульской церкви, как этот лист забросали именами и какими еще! Вы, М.И. Горчаков (протоиерей, профессор Петербургского университета) в том числе – бывший цвет академической молодежи».

На этом письме адресат Благоразумов сделал следующую приписку:

«Студентов охотников (т.е. посвятить себя миссионерству) записалось тогда человек 10-12ть, и все при условии женитьбы, а Касаткин – один монахом и перебил всех».

Лучшие студенты столичной Духовной академии, Иван Касаткин и его друзья были интеллигенцией духовного сословия, поскольку имели первоклассное разностороннее образование, обучались основным европейским языкам, включая классические (будущий епископ владел немецким, а английский, похоже, выучил уже в Японии), читали светские политические и литературные журналы. Для студенческой элиты должность настоятеля консульской церкви в островной стране Дальнего Востока была весьма скромной, однако, заявления подали 10-12 юных добровольцев. Видимо, дело во времени, которое «куда лучше как было».

Время – это первая половина 60-х годов, эпоха, когда Россия, потерпев поражение в Крымской войне, стремилась к возрождению под скипетром Александра II-го, и общество было полно новых чаяний; эпоха «великих реформ» в русской истории. Начиная с освобождения крепостных крестьян в 1861 году, одно за другим осуществлялись прогрессивные преобразования во внутренней политике: реформа судебной системы и образования, введение земского самоуправления и т.д. Студенты Духовной академии были «шестидесятниками», современниками своей эпохи, периода разностороннего подъема в обществе, идеалистического энтузиазма и реформаторских настроений. По-видимому, эта эпоха была отмечена и подъемом в церковной жизни, усилилась тенденция проповеди православия за рубежом, и многие мечтали посвятить себя миссионерству.

Итак, выбор пал на Ивана Касаткина. Вскоре (24 июня 1860 года) Иван Дмитриевич принял монашеский постриг с наречением имени Николая, в честь святителя и чудотворца, покровителя путешествующих на море, а моряки с русских кораблей составляли большую часть прихода консульской церкви. Так сбылась мечта далекого детства о службе, связанной с моряцким делом.

Священноначалие торопилось. Если будущий настоятель консульской церкви не отправится в ближайшее время на Дальний Восток, то он не попадет в Японию в текущем году из-за закрытия навигации осенью. Через 5 дней, 29 июня в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, Николай был рукоположен в иеродиаконы, а через сутки в день Собора двенадцати апостолов – в иеромонаха.

1 августа 24-летний иеромонах Николай отправился в Японию. Это было долгое путешествие на восток через Сибирь, во время которого приходилось покупать повозки и нанимать возничих, а порой и править самому. В конце августа он прибыл в Иркутск, а оттуда около 2-х месяцев спускался по Амуру на лодках до Николаевска-на-Амуре, расположенного в месте впадения реки в Охотское море. Но Николай все-таки опоздал на последний пароход, уходивший в Хакодате, и ему пришлось остаться зимовать. На счастье, в этом еле различимом на карте городке повстречались два будущих святителя. Молодой иеромонах встретился здесь с престарелым епископом Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием, имевшим богатый опыт миссионерства на Аляске. Иннокентий посоветовал ему «перевести Священное Писание и молитвослов на язык новообращенных туземцев с тем, чтобы православие укоренилось в их культуре». Это стало для Николая настоящей программой действий.

По рекомендации владыки иеромонах был устроен на жительство в семью флотского поручика Осипа Макарова, младший сын которого Степан обучался в местном морском училище. Впоследствии отец Николай напишет в своем дневнике о знаменитом адмирале: «Макарова я знал еще 12-летним мальчиком, когда в 1861 году зимовал в Николаевске на пути в Японию...».

Невеста

Летом следующего года Николай прибыл в Японию на русском корабле «Амур» без гроша в кармане с большим долгом. Казначей одной береговой части ссудил бедному монаху 100 рублей серебром. В Хакодате его принял консул Гошкевич.

«Когда я ехал туда я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, ожидавшая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется весть о Христе и все обновится... Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затем и последователей Слова Божия, раз это последнее раздается в Японской стране.... Приехал, смотрю, – моя невеста спит самым прозаическим образом и даже и не думает обо мне».

На деле в Японии все еще оставался в силе закон о запрещении христианства, введенный более 200 лет назад после того, как католические миссии, чья христианская проповедь обратила более миллиона японцев в христианство, стали оказывать сильное влияние на общественную и экономическую жизнь страны. В середине XIX века Япония сменила политику «закрытой страны», продолжавшуюся с начала XVII века, но было много сторонников изгнания из страны иностранцев. За месяц до прибытия отца Николая в Японию, в мае 1861 года банда ронинов (странствующих самураев) напала на храм Тодзэн-тэра в Эдо (старое название Токио), предназначенный для английского посольства и ранила двух дипломатов. На русских в Хакодате смотрели подозрительно из-за конфликтов вокруг о-ва Эдзо (нынешний Хоккайдо). За три года существования русского консульства и храма при нем сменилось два священника.

Приступив к исполнению обязанностей настоятеля консульской церкви, Николай стал усердно готовиться к пробуждению «спящей невесты»: изучал японский язык, историю и культуру японского народа.

«Приехав в Японию, я, на сколько хватало сил, стал изучать здешний язык. Много потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собой, но отнюдь не слившихся в один... И такие люди, как пресловутый знаток японского языка, француз Рони, осмеливаются писать грамматики японского языка! Хороши грамматики, которые приходится бросить в угол, как ненужный хлам, спустя неделю по приезде в Японию! Видно, долго еще изучающим японский язык придется изучать его инстинктом, чрез чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи. Так инстинктивно и я научился, наконец, кое-как говорить, и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений. С этим знанием я немедленно приступил к переводу Нового Завета на японский».

На освоение языка ушло восемь лет. Николай выучил и английский, являвшийся в Японии международным для иностранцев. По мере освоения иероглифики он стал читать книги по литературе и искусству, буддийские и конфуцианские религиозно-нравственные сочинения, имевшиеся в консульской библиотеке. Будущего святителя интересовало все, связанное с Японией: события, погода, экономика, история, демография. Он пишет статьи для газеты «Восточное Поморье», выходящей в Николаевске-на-Амуре. Вот некоторые его корреспонденции: «Пожар в консульстве в Хакодате», «Ураган в Японии», «Неурожай в Японии», «Число народонаселения в Японии». Николая порой смущала мысль посвятить себя востоковедению, но он решил, что «наука и без меня найдет себе многих сынов, мои силы всецело посвящены надеждам миссионерским».

Настоятель консульской церкви наблюдал жизнь японцев, стремился общаться с ними, ходил по городу, посещая языческие храмы и, слушая буддийских проповедников, беседовал с бонзами. Поначалу его принимали за европейского шпиона и спускали на него собак, а встречные самураи грозили иеромонаху клинками.

«Один Господь знает, сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага спасения – мир, плоть и диавол – со всю силою восстали на меня и по пятам следовали за мной, чтобы повергнуть меня в самом первом же темном и узком месте».

«Я старался сначала со всю тщательностью изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы надежды на просвещение страны евангельской проповедью... Чем больше я знакомился со страной, тем больше убеждался, что очень близко время, когда слово Евангелия громко раздастся там и быстро пронесется из конца в конец империи».

На четвертый год пребывания в Японии Николай обрел, наконец, первого единомышленника-японца – им стал жрец Такума Савабе, настоятель синтоистского храма, который после ожесточенных споров с Николаем уверовал во Христа. Через год к ним присоединился врач Сакаи, а еще в течение года – еще один собрат. Такума Савабэ при крещении был наречен апостольским именем Павел и через 10 лет стал первым православным священником-японцем. На его долю выпало немало испытаний. Павла Савабэ преследовали местные власти за отступничество от своей веры, сажали в тюрьму, сожгли его дом... О нем отец Николай говорил: «Люди за свои полезные труды получают чины, кресты, деньги,

почет. Бедный Савабэ трудится для Христа так, как редкие в мире трудятся. Он весь предан своему труду, весь в своем труде, и что его труды не тщетны, свидетельствуют десятки привлеченных им ко Христу».

Надежда Николая крепнет: «..кажется, можно вывести заключение, что в Японии, по крайней мере в ближайшем будущем: жатва многа... Католичество и протестантство заняли весь мир... Вот и еще страна, уже последняя в ряду новооткрытий: хоть бы здесь мы могли стать наряду с другими... Буду, даст Бог, не заброшен и я здесь один, обреченный на бесплодный одиночный труд. С этою надеждою я ехал сюда, ею семь лет живу здесь; об осуществлении ее самая усердная моя молитва, в это осуществление, наконец, я так верю, что: подал прошение об увольнении меня в отпуск и, по получении разрешения, еду в Петербург ходатайствовать перед Святейшим Синодом об учреждении здесь миссии».

Миссия

Русская консульская церковь в Хакодате находилась в ведении епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, начальника эскадры Тихого океана и Российского императорского консульства. Даже жалование консульский священник получал от двух ведомств: первые три года – от Морского министерства, затем от Азиатского департамента МИД – 2 000 рублей серебром в год. А если эту сумму разделить на 12 месяцев, то выходило по 160рублей с копейками. Материальное положение было такое, что иеромонах Николай считал каждый грош. Одни только свечи, которые привозили из Николаевска-на-Амуре, стоили 100 рублей. Их хватало на два-три месяца. Николай обращался к консулу Гошкевичу за помощью. Благо у консула имелись деньги на «экстраординарные расходы». И хотя он всегда помогал Николаю, настоятель церкви тяготился таким положением. В 1869 году епископ Иннокентий посоветовал отцу Николаю ехать в Санкт-Петербург и добиваться открытия миссии. Это даст ему экономическую и административную независимость.

Николай возвращается в Россию и прилагает все возможные усилия для учреждения Миссии в Японии. В итоге через 2 года он возвращается уже в сане архимандрита и главы Русской Духовной Миссии.

В 1868 году в Японии произошла буржуазная революция Мэйдзи, и начались всесторонние преобразования, но запрет на распространение христианства по-прежнему оставался в силе, и новообращенные христиане-японцы подвергались преследованиям. В 1872 году в помощь отцу Николаю прибыл выпускник Киевской Духовной Академии иеромонах Анатолий (Тихай). К этому моменту в Хакодате уже насчитывалось около 50 крещеных японцев. Николай оставил свою паству на попечение отца Анатолия и Павла Савабэ и переехал в Токио для открытия Миссии, так как в столице одновременно открывалось и Российское императорское генеральное консульство. Пришлось все начинать заново, но вскоре и здесь бонзы стали его первыми друзьями. В 1872 году архимандрит Николай по примеру европейских миссионеров открыл у себя дома частную школу и начал учить японцев русскому языку. В конце концов, в 1873 году правительство приняло законодательный акт о веротерпимости, в Токио была основана миссия, а частная школа отца Николая была реорганизована в духовную семинарию.

В 1879 году при миссии в Токио было уже несколько училищ: катехизаторское, семинария, женское и причетническое, школа иностранных языков. Семинария была любимым детищем Николая. В шестилетнюю программу обучения помимо богословских предметов, русского и китайского языков, входили общеобразовательные дисциплины: алгебра, геометрия, география, иероглифика, психология, история философии, а также пение и гимнастика. Здоровью своих подопечных Николай уделял особое внимание, и отправлял их отдыхать на море или на дачу, специально для этого построенную в курортном месте, а при семинарии действовал клуб дзюдо. К концу жизни отца Николая семинария получила права среднего учебного заведения Японии, лучшие ученики отправлялись в Россию в духовные академии.

Николай высоко ценил роль женщин в христианском просвещении и много заботился об их духовном воспитании, женское училище при миссии обеспечивало разностороннее образование своим слушательницам, миссия даже издавала женский христианский журнал.

Церковь продолжала увеличиваться, число верующих уже исчислялось сотнями, в начале 1900-х годов православные сообщества образовывались в Киото, Нагасаки, Хего и Йокогаме. В 1878 году уже было японцев-священников, строилась консульская церковь на пожертвования купца 2-ой гильдии Петра Алексева, бывшего матроса с клипера «Джигит». Но главной мечтой отца Николая было построить кафедральный собор на видном месте в Токио.

Собор

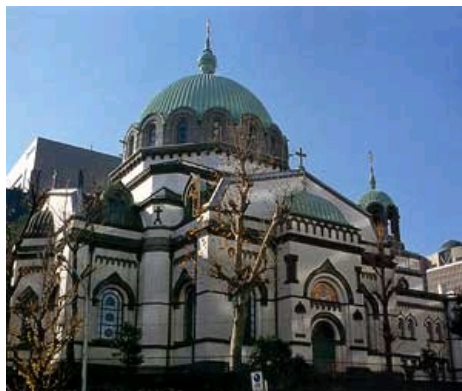
Для осуществления замысла о строительстве собора необходимы были большие деньги и общественная поддержка. Для сбора средств архимандрит Николай отправился в Россию. В 1879 – 1880 году он посетил Санкт-Петербург, Москву,

Казань, Киев, Одессу и собирал добровольные пожертвования.

В России большую поддержку миссии всегда оказывал министр народного просвещения, а позже член государственного совета – граф Ефимий Васильевич Путятин. В 1853 году вице-адмирал Путятин на флагманском фрегате «Паллада» «открыл Японию» для русского флота, он же установил дипломатические отношения между двумя странами и подписал первый официальный договор о дружбе между Японией и Россией. Влиятельный человек в светских и политических кругах Петербурга, Путятин относился к Николаю, как к родному сыну, и с любовью заботился о нуждах миссии. Дочь адмирала Ольга тоже была дружна с отцом Николаем и в 1884 году монахиней приехала в Японию помогать ему в миссионерской деятельности.

Видя успехи миссии в Японии, Святейший Синод принял решение о назначении туда епископа. Кандидатуры кроме самого Николая невозможно было представить. 30 марта 1880 года он был хиротонисан в Александро-Невской лавре. Возвращаясь обратно на свою вторую родину пароходом Добровольно флота, преосвященный Николай посетил Палестину, поклонился гробу Господню и привез в Японию пальмовую ветвь.

Первоначально эскиз будущего храма разработал петербургский архитектор, профессор А. Шурупов. Здание в плане напоминало греческий крест, купола были продуманы в византийском стиле. Николай купил участок земли на вершине холма Суруга-дай в районе Канда, где в средневековые времена возвышалась пожарная каланча, служившая одновременно маяком для судов, входивших в порт Эдо (старый Токио). Строительство вел английский зодчий Джошуа Кондер, который на рубеже 19-20 веков, построил более 50 зданий в Токио, в том числе, и императорский дворец. Через 7 лет в 1891 году Кондер вручил епископу Николаю ключи от кафедрального собора Воскресения Христова. На освящении присутствовало 19 японских священников и более 4 тысяч христиан. Православный храм, именуемый в народе «Николай-до» (дословно – «храм Николая»), скоро стал достопримечательностью японской столицы. Русские моряки узнавали в его очертаниях образ главного храма российского флота – Морского собора Св. Николая в Кронштадте. До сильнейшего, разрушавшего Токио, землетрясения 1923 года, после которого началось многоэтажное строительство, удачно расположенный православный кафедральный собор, был одним из самых высоких зданий в городе. Это вызывало нападки: «неуважительно, что собор возвышается над императорским дворцом», «это проявление произвола со стороны России».

Впрочем, масштаб строительства и место, которое занял собор в японской столице, соответствовал масштабу личности самого Николая и той роли, которую он стал играть к тому времени в японском обществе. Епископ пользовался огромным уважением, много его почитателей было как в России, так и в Японии. К его авторитету прибегали по очень широкому кругу вопросов, от востоковедческих статей до межгосударственных отношений. Дипломатические качества епископа Николая особо проявились в разрешении конфликта из-за известного «инцидента в Оцу», когда было совершено покушение на наследника российского престола Николая Александровича.

Это был беспрецедентный случай. На русского цесаревича, посетившего Японию по приглашению японского императора и которому последний гарантировал безопасность, напал полицейский из состава охраны. Япония оказалась перед лицом скандального дипломатического провала, и даже перед угрозой безопасности страны, так как в то время семи военным кораблям России, сопровождавшим престолонаследника, ничего не стоило уничтожить весь японский флот. О гневе русских говорил факт их отказа от услуг японских врачей, присланных императором, хотя рана была пустяковой. Сам император поспешил лично приехать к Николаю Александровичу, проводил его до порта и даже поднялся на борт русского военного корабля – поступок немыслимый для правящего японского монарха. В события вмешались российский посланник Шевич и епископ Николай. Николай особенно усердствовал и, в частности, больше других уговаривал своего тезку не доводить дело до войны с Японией. Цесаревич принял извинения японского императора. Инцидент разрешился

мирно.

В 1910 году торжественно отмечался 50-летний юбилей служения Николая в Японии. Святейший Синод возвел его в сан архиепископа. Николая поздравляли и японский император, и губернатор Токио, японская пресса, иностранные миссии. В речи губернатора Токио содержались такие слова: «...Мне кажется, что те заслуги, какие оказал нашему государству маститый учитель Николай, не ограничиваются успехами одного только миссионера, но также заключается в том, что он содействовал цивилизации в нашей стране...»

О русской миссии восторженно отзывались другие иностранцы в Японии. Из английского отчета: «Наряду с Англиканскою Японскою Церковью стоит великолепная Русская Миссия под водительством лучшего христианина в Японии, Архиепископа Николая...»

Сам владыка о своих заслугах рассуждал так: «Разве есть какая-нибудь заслуга у сохи, которою крестьянин вспахал поле? Разве может она хвалиться: «Глядите-ка, православные, что я наделала!»...Роль наша не выше сохи. Вот крестьянин попахал, соха износилась. Он ее бросил. Износился и я. И меня бросят. Новая соха начнет пахать. Так смотрите же, пашите! Честно пашите! Неустанно пашите! Пусть дело Божье растет!

А все-таки приятно, что именно тобой Бог пахал. Значит, и ты не заржавел. Значит, за работой на Божьей ниве и твоя душа несколько очистилась. И за сие будем всегда Бога благодарить».

Однако до такого выражения всенародного почитания Николаю предстояло пережить еще одно тяжелое испытание. В 1904 году началась русско-японская война.

Война

В начале 1904 года Посольство России в полном составе покинуло Японию. Несмотря на уговоры российского посланника, Николай твердо решил не уезжать, и остался в Токио один. На православных в Японии обрушилась волна ненависти. Японские газеты были полны издевками по отношению к России. Православных японцев называли предателями, а Николаю грозили смертью, как шпиону. Епископ, как мог, старался публично разъяснять, что православие не есть просто русская национальная религия. Считая патриотизм естественным и верным чувством христианина, он разослал по всем храмам официальные послания с предписанием молиться о победе японских войск (и этим избавил православных японцев от противоречия быть японцем или верить во Христа, и сохранил корабль японской церкви невредимым от гонений властей), но сердце Николая разрывалось, так как победа эта означала поражение его собственного отечества. Он даже не участвовал в общественных богослужениях, а на литургии просто частно молился в алтаре. Горько было епископу:

«Не морская держава Россия. Бог дал ей землю, составляющую 6-ю часть света и тянущуюся непрерывно по материку, без всяких островов. И владеть бы мирно ею, разрабатывать ее богатства; заботиться о материальном и духовном благе обитателей ее. А русскому правительству все кажется, мало и ширит оно свои владения все больше и больше; да еще какими способами! Манчжурию завладеть, отнять ее у Китая, разве доброе дело? «Незамерзающий порт нужен». На что? На похвальбу морякам? Ну вот и пусть теперь хвалятся своим неслыханным позором поражения. Очевидно, Бог не с нами был, потому что мы нарушили правду... Зачем Вам Корея?» – спросил я когда-то адмирала Дубасова. «Ю естественному праву она должна быть наша», – ответил он, – «когда человек протягивает ноги, то сковывает то, что у ног; мы растем и протягиваем ноги, Корея у наших ног, мы не можем не протянуться до моря и не сделать Корею нашею.» Ну вот и сделали! Ноги отрубает! И Бог не защищает свой народ, потому что он сотворил неправду. Богочеловек плакал об Иудее, однако не защитил ее от римлян... Царские братья стояли во главе флота доселе, сначала Константин Николаевич, потом – доселе Алексей Александрович, требовали на флот, сколько хотели, и брали, сколько забирала рука; беднили Россию, истощали ее средства, – и на что? Чтобы купить позор! Вот теперь владеют японцы миллионными русскими броненосцами. Не нужда во флоте создавала русский флот, а тщеславие; бездарность же не умела порядочно и вооружить его, оттого и пошло все прахом... Исстрадалась душа из-за дорогого Отечества, которое правящий класс делает глупым и бесчестным». «Платится Россия за свое невежество и свою гордость: считала японцев необразованным и слабым народом; не приготовилась, как должно к войне, а довела японцев до войны...»

Николай взял на себя заботу о русских военнопленных. Пленные поступали с фронта партия за партией, и к концу войны их число превысило 70 тысяч человек. Являясь единственным официальным представителем России, епископ сделал все, что было в его силах, чтобы спасти их жизнь, физическое и душевное здоровье. Из больших и малых лагерей, где находились русские солдаты и офицеры, в Токио летели просьбы прислать к ним православного священника. Японское военное министерство отказалось допустить к ним даже самого Николая. Под его руководством православные японцы

образовали общество «Духовного утешения военнопленных», и он отправлял к пленным священников из японцев, которые проявили себя как настоящие служители православной церкви.

Исход этой самой позорной войны в русской истории, когда огромная империя не могла справиться с крошечным островным государством, епископ считал вполне закономерным.

«Бьют нас японцы, ненавидят нас все народы, Господь Бог, по-видимому, гнев Свой изливает на нас. Да и как иначе? За что бы нас любить и жаловать? Дворянство наше веками развращалось крепостным правом и сделалось развратным до мозга костей. Простой народ веками угнетался тем же крепостным состоянием и сделался невежествен и груб до последней степени; служилый класс и чиновничество жили взяточничеством и казнокрадством, ныне на всех степенях служения – поголовное самое бессовестное казнокрадство везде, где только можно украсть. Верхний класс – коллекция подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного; духовенство, гнетомое бедностью, еле содержит катехизис, – до развития ли ему христианских идеалов и освящения ими себя и других?... И при всем том мы – самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там – мрак и гнилость; а сильны мы так, что шапками всех забрасаем... Нет, недаром нынешние бедствия обрушиваются на Россию – сама она навлекла их на себя. Только сотвори Господи Боже, чтобы это было наказующим жезлом Любви Твоей! Не дай, Господи, в конец расстроиться моему бедному Отечеству! Пощади и сохрани его!»

Новости из России не утешали. Николай, который не был на родине в течение 25 лет, прозорливым сердцем чувствовал надвигающийся мрак.

«Наказывает Бог Россию, то есть отступил от нее, потому что она отступила от него. Что за дикое неистовство атеизма, злейшей вражды на Православие и всякой умственной и нравственной мерзости теперь в русской литературе и в русской жизни! Адский мрак окутал Россию, и отчаяние берет, настанет ли просвет? Способны ли мы к исторической жизни? Без Бога, без нравственности, без патриотизма народ не может самостоятельно существовать. А в России, судя по ее мерзкой не только светской, но и духовной литературе, совсем гаснет вера в личного Бога, в бессмертие души; гнилой труп она по нравственности, в грязного скота почти вся превратилась, не только над патриотизмом, но над всяким напоминанием о нем издевается. Мерзкая, грязная, оскотинившаяся, озверевшая интеллигенция в ад тянет и простой, грубый и невежественный народ. Бичуется ныне Россия. Опозорена, обесславлена, ограблена; но разве же это отрезвляет ее? Сатанинский хохот радости этому из конца в конец раздается по ней. Коли собственному позору и гибели смеется, то уже не в когтях ли злого демона она вся? Неистовое безумие обуяло ее, и нет помогающего ей, потому что самое злое неистовство ее – против Бога, самое имя которого она топчет в грязь, богохульством дышат уста ее. Конечно, есть малый остаток добра, но он, видно, до того мал, что не о нем сказано: «Семя свято стояние ее...». Душа стонет, сердце разорваться готово. Единственное утешение, что смерть не за горами, не долго еще мытариться видом всех мерзостей...»

Чтобы отвлечься от тяжелых переживаний, Николай весь погрузился в работу над переводом Священного писания и богослужебных книг. Эти переводы он начал еще в Хакодате, и течение последних 30 лет практически каждый день в его келью входил его постоянный сотрудник по переводам Накаи-сан и писал переводы под диктовку владыки в течение нескольких часов. Сперва был переведен круг воскресного богослужения, затем Цветная триодь, потом – Постная. Новый завет Николай сначала переводил с китайского на японский, но потом увидел в китайском евангельском тексте ошибки и «шероховатости» и перешел к непосредственному переводу с русского и славянского.

Поклонение мощам святого равноапостольного Николая Японского на кладбище Янака (Токио) - 15 мая 2000г.
(Фото: www.sam.hi-ho.ne.jp/podvorie/)

16 февраля 1912 года великий труженик предал Богу душу в келье собора Воскресения Христова, уронив рабочее перо. Медицинской причиной смерти был паралич сердца. Николаю было 75 лет, за его полувековую деятельность в Японии насчитывалось 31 984 верующих, 265 церквей, 41 священник, 15 хоровых регентов, 121 катехизатор. Единое пшеничное зерно дало плод многий.

10 апреля 1970 года к лику равноапостольных святых был причислен почти что наш современник – Святитель Николай, Архиепископ Японский.

13 августа 2001 года

По мотивам:

Дневники Святого Николая Японского, изд-во Хоккайдского университета, предисловие проф. Кэнносукэ Накамура
Виталий Гузанов, «Святитель Николай Японский», журнал «Япония сегодня», июль 1999 г.

Архимандрит Георгий (Тертышников), Святой Равноапостольный Николай, Архиепископ Японский, Фессалоники: 1995 г.
Синтаро Накамура, «Японцы и русские», М:1983 г.

Э. Саблина «Пути-дороги паломницы из России», журнал «Знакомьтесь – Япония» № 26/1999, 27/2000

Ё. Уэно, «Весточка из далекого прошлого», журнал «Знакомьтесь – Япония», № 28/2000

www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/39692.htm